

Январское солнце, в отличие от декабрьского, уже не кажется унылым, белым, безжизненным пятном, изредка проглядывающим из-под темно-серого палантина туч. Оно греет! Да-да! Несмотря на приличный мороз в минус двенадцать градусов, оно греет! Стоя на покато берегу Оки, можно почувствовать его легкие,

теплые прикосновения. Солнечные лучи мягкими воздушными поцелуями покрывают тонкие губы, румяные щеки и слегка порозовевший нос, обнимают за плечи, согревают руки.

Рождественский сочельник после долгих, хмурых, серых дней выдался поистине сказочным. Лазоревое небо высоким хрустальным куполом венчает белоснежные окские просторы. От яркого солнечного света снег становится еще белее. Он сверкает, блестит, играет всеми гранями своих легких, невесомых снежинок, которые бесчисленными жемчужными перлами засыпали все берега. Несметные богатства! Неисчислимые! Они ослепляют! Невозможно смотреть! Все это великолепие вызывает почти что физическую боль, заставляя щуриться от яркого света и вытирать набежавшие слезы.

Каждая травинка, каждая былинка, в знак особого почтения зиме, склоняют свои хрупкие головы, убежденные мягким, ажурным кружевом. Высохшие стебли васильков, ежеголовника и мордовника, укрытые белыми, искрящимися шапочками, походят на волшебные цветы, оставшиеся живыми даже зимой. Березы в приталенных белых сарафанах на фоне глубокой небесной синевы выглядят настоящими невестами, скромными и невинными. Ели и сосны кутают зеленые плечи в кипенные пушистые воротники, шарфы и шапки, стараясь выглядеть еще солиднее и богаче на фоне хрупких осин и лип.

Ока замерзла. Словно длинная, заснеженная дорога, она зовет к самому горизонту, где сливаясь с небом, будто впадает в него, как в море. Кое-где виднеются полыньи. Одни из них похожи на сверкающие золоченые блюдца, другие на золотистые, почти правильной формы топазы. Вода в них искрится, переливается, горит, давая понять, что река, даже в глубокую зимнюю пору, жива. Легкий пар струится над водной гладью.

По окраине одной полыньи расположились небольшие бугорки, похожие на серые камушки. Они, будто вкрапления турмалинов, украшают золотистый ореол воды. При ближайшем рассмотрении, насколько позволяет фотоаппарат, эти милые камушки оказываются зимующими утками. Река будто прячет их от назойливых людских глаз. Не со всякого ракурса можно рассмотреть этих милых созданий. Водяной пар, исходящий от полыньи, густым белым облаком укрывает птиц, согревая их нежные тела от мороза.

Чуть поодаль виднеется другая, более крупная и длинная полынья. Она прижимается к правому берегу и доходит почти до середины Оки, отражая в своей купели высокое, синее небо, деревья и кусты, растущие на берегу. Природа — лучший художник! Воистину! Каждая изящная веточка, каждый грациозный изгиб ствола очерчены в водном зеркале, только в перевернутом виде. Это придает особый шарм, загадочность и утонченность.

Третья полынья разливается огромным, стального цвета, озером, образовавшимся прямо посередине реки. В нем блестящим белым лебедем купается само солнце! Оно подсвечивает кромку воды, отчего та становится золотой. Лучи яркими перьями касаются водной глади и рассыпаются тысячами искр по неспешно текущей воде. Ее гладь сияет и блестит, искрясь и сверкая, вызывая неподдельное восхищение, придавая всему происходящему некую торжественность.

Храм, построенный на высоком берегу, смотрится белокаменным теремом, увенчанным золотым куполом с крестом. Легкие перистые облака светлыми ангелами парят над ним в вышине...

Еще немного, и белый солнечный лебедь сложит свои крылья, лазоревое небо приобретет темно-синий оттенок, и где-то на востоке, над храмом взойдет первая, самая яркая звезда, как символ веры, чистоты и настоящего чуда. Символ Рождества...